

ИРИНА КАЛИТИНА

ЯЗЫК СКЛАДА

0+

Ирина Калитина

Язык склада

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43476285

SelfPub; 2022

Аннотация

На Хорватском курорте в середине лета появляется женщина с особенностью, отличающей её от других отдыхающих.

Ирина Калитина

Язык склада

Она всем казалась странной, не только мне.

Мы познакомились на Хорватском курорте, где отели, занимающие здания позапрошлого века, роскошные, как дворцы, расположились вдоль шоссе, по которому легковые машины и автобусы доставляли пассажиров к месту отдыха.

С другой стороны автомобильной дороги тянулся длинный пляж в виде широких бетонных ступеней, спускающихся к морю, с лежаками, зонтами и тентами от солнца. В ларьках продавали пиво, воду и товары для курортников: солнечные очки, соломенные шляпы, купальники и резиновые тапочки, чтобы не наступили неопытные туристы голыми ступнями на морского ежа, эти создания в избытке водились в окрестных водах.

Июль. Жара доходила до сорока градусов.

Мы с приятельницей прибыли на немецком автобусе из Аугсбурга, куда она эмигрировала несколько лет назад из Москвы, сумев доказать еврейское происхождение благодаря бабушке, которая до конца жизни жила в Белоруссии.

Конец первого десятилетия нового века.

Жители рассыпавшегося Советского Союза и соседних государств приходили в себя после потрясений от изменения границ и статуса стран.

Администратор-хорват на «ресепшн» услужливо предложил нам, как немцам, великолепный номер, лицо его скривилось, когда услышал, что между собой мы говорим по-русски.

Туристов, прибывших из благополучных Европейских стран, размещали в помещениях с окнами на восток или запад, на северной стороне располагались служебные комнаты, а номера на южной стороне здания, залитые солнцем в течение целого дня, (находиться в них было пыткой), заполняли русскоязычными приезжими из Прибалтики.

Странная женщина прибыла в этой группе.

Ничего особенного во внешности: лет сорок, невысокая худенькая шатенка, скромно одета. С ней был мужчина среднего роста, узкоплечий, приятное интеллигентное лицо. Он обнимал её, разговаривал нежно, как в начальном периоде ухаживаний. Мне показалось, что знакомы они недавно.

Необыкновенной была особенность женщины, на которую обращали внимание постояльцы отеля, встречая её в ресторане или на пляже. Среди гостей курорта прогуливались эффектные дамы, привлекательные девушки, но, невольно, глаза останавливались на ней, удивлённо поднимались брови.

Особенность заключалась в том, что она не могла согреться, когда все вокруг изнывали от жары. Среди торсов в плавках или купальниках с покрасневшей, шоколадной или бронзовой кожей, по которой стекали капли солёной воды или пота, возникала особа в тёплой кофте или завернутая в шер-

стояной палантин. Мужчина поддерживал её за локоть, иногда отходил искупаться в море.

Она садилась под навесом, вжимаясь в своё одеяние.

«Больной человек, – размышляла я, – мучается от какого-то недуга».

Подруга моя, приняв порцию моря рано утром, возвращалась в отель, где на балконе в лёгком кресле остужала себя сухим вином из холодильника. Потом солнце перемещалось за горы, и оттуда, перед тем, как исчезнуть, посылало нам на балкон лучи, не горячие, но утомительные, слишком интенсивными они были днём. Наступало время ужина и предчувствия завтрашнего зноя.

Скучая в одиночестве, я, иногда, заводила разговоры с соседями по пляжу, но ничего интересного в беседах не было.

В один из таких дней, когда после одиннадцати жариться на солнце невозможно, я переместилась под тент и оказалась рядом с «больной».

– Пойду поплаваю, – сказал мужчина, – тебе что-нибудь принести, дорогая?

– Нет, спасибо, – слабо ответили губы.

Мы сидели молча.

«Почему бы ей не устроиться под солнцем, если хочет согреться?», – удивлялась я и не знала, как начать разговор.

Наконец, спросила:

– Не хотите ли воды из местного источника. К сожалению, её нельзя назвать прохладной, бутылка со мной с утра

на пляже. Есть второй стаканчик, подруга сегодня не загорает.

– Спасибо.

Я налила, она выпила половину стакана.

– Похоже, в тени вам прохладно, может быть, позагораете? – бросила я пробный камень.

В этом пекле оставалось удивляться или завидовать человеку, которого не мучает жара.

– Не знаю, не могу привыкнуть к новым условиям существования, не понимаю, чего хочу. Видите ли, последние двадцать лет я прожила при температуре плюс два и так замёрзла, что отогреться надежды мало. Солнце жжёт, а внутри – холод.

Я почувствовала, что женщина расположена разговаривать и приготовилась слушать.

Мы познакомились, её звали Вера.

Оказалось, что всю взрослую жизнь она проработала на складе молочной продукции, где постоянно поддерживается температура плюс два градуса.

Дочь учительницы, отличница Вера готовилась поступать в институт, но вышла замуж в 18 лет за доброго мягкого человека, который сопровождал её в этой поездке, и переехала к нему из России в Прибалтику, он был из семьи советского военнослужащего. Насчёт того, что знакомы они недавно, я ошиблась. Значит, пара сохраняет бережное отношение друг к другу долгие годы.

Не имея специального образования, Вера устроилась кладовщицей на склад, находившийся рядом с их домом и работала там много лет с перерывом на рождение детей. Дочери их – 19, а сыну – 17.

В многоквартирном доме для бывших военных и в семье говорили по-русски, опыта общения с коренными жителями страны, почти, не было. Она не владела местным диалектом.

Приступив к работе, Вера выучила наименование продукции склада и единиц её измерения, название тары, научилась понимать распоряжения начальницы, читать и оформлять сопроводительные документы, принимать и отгружать товар.

Существует язык компьютера, язык дипломатов, язык медиков, ей был известен досконально язык склада. Сначала документы составляла от руки, потом – на «персоналке».

Хозяйка холодного хранилища, старше Веры, высокая, широкоплечая, с фигурой лыжницы, патриотка своей страны, жёсткая и требовательная, на русском не говорила принципиально.

Они неплохо ладили. Работала Вера с утра до вечера, а иногда её вызывали в выходные дни и ночью, благо, идти недалеко. Полупьяный грузчик жил этажом ниже. Хозяйка просила складывать в отдельную папку некоторые документы приёма и отгрузки продукции, а также часть «налички». Веру не интересовало, был ли это «левый» товар с маркировкой известного завода, кто его привозил, кому отпускали.

Начальницу это устраивало, и она достойно «благодарила» кладовщицу за внеурочную работу. Дополнительные деньги много значили для семьи Веры: заплатили за операцию све-крови, выросли дети.

Времена были сложные. Я поняла, что зарабатывала она больше мужа.

Много фур приезжало из России, поэтому, наверное, хозяйка и приняла на работу её, а не коренного жителя страны.

При всём обилии складских терминов, которые усвоила Вера, одна, только, фраза произносилась на русском языке.

После того, как загружали и отправляли машину на родину Веры, собственница склада говорила, удовлетворённо улыбаясь, растягивая гласные:

«Коогда, они, нааконец-то, нажрутся?»

Никого, кроме двух женщин, на складе не было, слова эти адресовались Вере, безответному существу, полностью зависимому от начальницы, которая считала себя пострадавшей от «советской оккупации», возможно, так оно и было. Накопившиеся обиды она переносила на невинного человека.

Судя по интонации Веры во время рассказа, её сильно задевало оскорбление, но она молчала.

Три недели назад хозяйка вошла в холодное помещение с серым, озабоченным лицом. Неожиданно, складская терминология пополнилась ещё одним русским предложением:

– Машины из России боольше не придуут. Чтоо случилось, не понимаааю.

Ответ напрашивался сам собой, но владычица молочной продукции не ожидала получить его от бессловесной мышки.

– Они нажрались!

Так представительница варварского восточного народа вернула женщине, рассуждающей о «европейских ценностях», её хамство.

Шок от того, что лишилась работы, оказался настолько сильным, что семья испугалась за Веру, дочь и зять купили дешёвые горящие путёвки и отправили родителей в путешествие.

Муж после купания подсел к нам:

– Ты работала всю жизнь, не беспокойся, дети выросли, можешь отдохнуть.

Она посмотрела на него грустно.

Он, деликатный и нежный, не походил на работягу, скорее, на рядового инженера или мастера производства. Повысить голос или требовать чего-то, видимо, не умел.

– Дочь вышла замуж, за неё не волнуюсь, а сыну нужно дать образование, – печально сказала Вера.

О том, что она раскаивается и хотела бы вернуться на склад, речь не шла. Вероятно, и существование самого склада, как и производственного комплекса, было под вопросом при отсутствии основных покупателей.

На следующий день автобус увозил супругов к очередному пункту путешествия.

Я помахала рукой, стоя на раскалённой мостовой около их окошка.

Закутанная в шаль, Вера напоминала собой продукт глубокой заморозки, которому требуется длительное время, чтобы оттаять полностью. Не тридцать шесть и шесть было внутри женщины, а, всё ещё, складские плюс два.

Надеюсь, время и любовь близких помогли ей отогреться, расширить словарный запас и найти другое место службы, где температура отношений и окружающего воздуха более комфортна.